

Ссылки:

<https://www.youtube.com/watch?v=mbSQ9gKC3SU>

Стенограмма диалога подготовлена С.Г. Ветчининим,
автором телеграмм-канала «Нефтегазовый мир»

=====

НЕВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР О ПАДЕНИИ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ НЕФТЯНКИ И ЕЁ... «ПОСЛЕДНЕМ ШАНСЕ»

***

Состоялся он во время [записи](#) внеочередного выпуска программы «ГЕОРЕСУРСЫ РОССИИ НА ФОНЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ПЕРЕМЕН (июль 2023, выпуск №6)», когда **Александр Владимирович Соколов**, кандидат геолого-минералогических наук, директор по геологоразведке ООО «ПЕТРОГЕКО» и главный редактор научно-технического журнала «Георесурсы», побеседовал с гостем своей программы - **Игорем Владимировичем Липсицем**, д.э.н., профессором НИУ ВШЭ [научная специализация: маркетинг-менеджмент, экономический анализ реальных инвестиций, ценообразование].

*****

Соколов: «По закону о недрах, они принадлежат государству, которое ими распоряжается, в т.ч. и тем, что в них находится. Именно государство выдает лицензии на право (!) пользования недрами. Как можно в этой ситуации говорить об инвестиционной привлекательности того актива, которым не владеешь? Когда нефтяная компания привлекает инвестиции для разработки недр, согласно полученной ею лицензии, то она привлекает эти инвестиции подо что?»

Липсиц: «Под будущие доходы. Вопрос только в том, как надёжно недропользователь, может контролировать эту лицензию и быть уверенным, что у него, кроме, как только через суд, такую лицензию не отберут. И ещё он должен быть экономически уверен, что все затраты, которые он понесёт за тот срок, на который выдана лицензия, окупятся».

Соколов: «Положение, что я привлекаю средства, кредитуюсь под то, что мне не принадлежит, не мешает развитию рыночных механизмов?»

Липсиц: «Не мешает. Тут должна быть такая правовая система в стране, которая гарантирует недропользователю, что если он не будет существенно нарушать условия лицензии, то у него эту лицензию не отнимут. Беда в том, что в России не очень надёжная правовая система».

Соколов: «А что такое вообще инвестиционная привлекательность? Это что, растущая стоимость акционерного капитала, это желание инвесторов вкладывать свои средства в развитие компании, это некая рыночная капитализация, которая показывает, на сколько выросли акции той или иной компании? Или это возврат с прибылью вложенных средств на понятном горизонте планирования?»

И, в связи с этим, вопрос: «Что является главной инвестиционной привлекательностью нефти России?»

Липсиц: «Инвестиционная привлекательность – это возможность вложить деньги в объект, которая принесёт тебе чистый доход, превышающий твои вложения.

Всё прочее, та же капитализация – это довольно условные вещи, которые зависят от множества спекулятивных факторов.

Сейчас в России начинается инфляция. Она будет очень высокая, галопирующая – с двухзначными цифрами. Это значит, что должна вырасти и стоимость капитала. А это означает, что должен будет резко сузиться круг проектов, которые в России будут

привлекательными. Потому что, если ты хочешь быть инвестиционно привлекательным, ты должен обеспечить то, что инвестор получит на вложенный капитал доход больший, чем этот вложенный капитал.

Инвестиционная привлекательность российской нефтянки обуславливалась, прежде всего, тем, что был понятен рынок сбыта. Он был хороший, он был премиальный, он был ёмкий. Инвестиционная привлекательность российской нефтянки означала, что ты покупал право на разработку не просто месторождения, а именно месторождения в стране, которая имела устойчивые связи с европейским рынком сбыта, на котором ты прекрасно знал, где и кому ты будешь продавать. Это давало инвестору практически гарантию сбыта. Это снимало коммерческие риски, что снижало стоимость капитала, потому что риск маленький. Это и повышало инвестиционную привлекательность российской нефтянки. Ведь главное, чтобы было кому продать, чтобы был рынок сбыта. Если он есть, ты подстроишься под него – продашь. Если у тебя есть ресурс, но он никому не нужен, то и ты никому не нужен».

Соколов: «Ресурсное богатство – это ещё не экономическое богатство. Ресурсы превращаются в богатство, когда они востребованы на рынке. Итак, главное в инвестиционной привлекательности – это рынок сбыта?»

Липсиц: «Да, на котором можно получить хорошую прибыль».

Соколов: «Думаю, на инвестиционную привлекательность влияют и такие вещи, как внеплановые налоги, например».

Липсиц: «Экономика всегда существует в определенной политической среде. И в России всегда политика доминирует по отношению к экономике. У нас экономика является производной от политики, т.е. от тех правил, по которым получена возможность распоряжаться природными ресурсами. Если государство легко, произвольно меняет эти правила, то все ваши расчёты по выгодности вложений в проект летят в тартарары. Инвестиции требуют стабильности правил, по которым они осуществляются. Есть такое правило в международной юридической практике, чтобы долгие годы не менялись правила - «дедушкина оговорка»: пока ты не стал, условно говоря, дедушкой, ничего в правилах не поменяется. Тогда можно инвестировать. В России это никогда не получается. Меняется премьер, приходит новый министр финансов, меняется ситуация с бюджетом... И тогда говорят: «Да, ладно там, какая-то «дедушкина оговорка»... Мне нужны деньги именно сейчас. И поэтому я пересматриваю тебе правила». Так что, инвестиционная привлекательность сильно зависит от политики».

Соколов: «Уточню лишь, что у нас не нужно ждать, пока сменится премьер или министр финансов. Налоги могут меняться несколько раз даже за один год.

Теперь, вот, о чём... Уже больше года, как большинство наших крупных нефтегазовых компаний («голубых фишек»), кроме Татнефти, кажется, по решению властей ушло с международных финансовых биржевых площадок. И дополнительно к этому власти засекретили всю статистику по добыче. Можно ли теперь эти компании называть рыночными? На каких площадках они теперь могут «приземлиться» - на Московской бирже, на Гонконгской бирже, в Дубае? Как измеряется сегодня их капитализация? Рыночная ли она теперь?»

Липсиц: «Я не могу ответить однозначно на Ваши вопросы. Раньше, когда была открытая экономика, я понимал основы капитализации. Она зависит от того, как компания работает, как она генерирует прибыль. Потому что люди смотрят, что с компанией может произойти, насколько она финансово устойчивая, сколько она будет зарабатывать прибыли, есть ли какие-то надежды, что она будет расширяться. Даже если она не платит дивиденды, но она прибыльна, то значит, у неё есть ресурсы на развитие. Значит, она будет расширяться. Следовательно, соучастник этого развития бизнеса будет богатеть просто в силу роста этого бизнеса, благодаря росту стоимости акций».

Но когда у тебя вся информация о бизнесе компании закрыта, то ты не понимаешь никакой основы капитализации. Капитализация становится дутой, произвольной величиной, в которой экономического смысла нет. Есть, наверное, какой-то спекулятивный смысл: кто-то играет вверх, кто-то – вниз. И во что это сложится – случайно получается. Но экономического смысла в такой капитализации практически уже нет».

Соколов: «Тогда возникает вопрос, как же выходить на «дружественные» (с «недружественных» мы ушли) финансовые площадки. Мы по-прежнему будем закрыты в статистике?»

Липсиц: «Ситуация пока остаётся такой. Уже даже ЦБ РФ начинает по этой причине стонать и плакать – что это, мол, безобразие, что мы закрыли данные статистики и что понять, что происходит в компаниях, уже нельзя.

Если уж Центробанк жалуется, что он плохо понимает, что происходит в экономике России, то это уже катастрофическая ситуация».

Соколов: «Публичность компании требует её открытости».

Липсиц: «Безусловно! Это была золотая пора в начале 21 века, когда наши компании даже соревновались в открытости. И можно было смело вкладываться в них, т.к. понятно было, подо что покупаешь акции».

Соколов: «Могу ли я сказать, что такая политика закрытости несёт существенную угрозу ресурсному суверенитету страны? Как же мы можем кого-то привлекать в разработку ресурсов, если ничего не рассказываем о себе?»

Липсиц: «С моей точки зрения, экономический суверенитет нашей страны за последние полтора года сильно обрушился. Потому что, если у тебя есть ограничения с рынками сбыта и ты не можешь свободно выбирать, где тебе выгодно продавать, а где не выгодно, то у тебя нет экономического суверенитета страны и у тебя ресурсный суверенитет довольно ограничен. Потому что, ты не каждому, кому тебе выгодно, можешь продать. И это очень сильно портит инвестиционную привлекательность, ибо я не могу с интересом вкладываться в нефтяную промышленность, потому что я не знаю, сможет ли она хоть что-то и наверняка продать.

Я последние месяцы смотрю на динамику экспорта нашей нефти. И что я вижу? Что и Индия, и Китай перестают наращивать закупки. Потому что они достигли потолка зависимости. Они уже боятся нарастить долю закупок российской нефти выше критического уровня, который сделает их слишком зависимыми от российской экономики».

Соколов: «Я ведь не случайно использовал термин «ресурсный суверенитет». Потому что в отрасли сейчас педализуется тема внутреннего самообеспечения, в том числе и по оценке стоимости компаний. А как можно оценивать стоимость компаний, если мы не знаем ни сколько она добывает, ни кому она будет добытое продавать?»

И ещё вопрос. А льготы по неуплате налогов – это инвестиции со стороны государства?»

Липсиц: «Это когда-то было придумано в виде схемы налогового кредита. Т.е. я даю тебе временное послабление по налогам - в расчёте на то, что ты развернешь свой бизнес, станешь более крупным, в итоге будешь генерировать большую массу прибыли, и я получу большую массу налогов, что перекроет некоторый недобор налогов сегодня, ибо завтра я смогу взять с тебя больше. Это было разумно.

Но сегодня будущее не очень интересует российское правительство. И поэтому, как видите, льготы начинают сильно сокращаться. С сентября - демпфер сокращается, потом льготы по НДС... И я вижу, что эта линия будет продолжаться. Останутся какие-то совсем уж невозможные для отмены, а в остальном - будут сокращаться.

Услышите министра финансов РФ. Выступая на ПМЭФ, он сказал, что мы, мол, конечно, обещали не трогать налоги, но вопрос налогообложения – это производная от

состояния бюджета. Он это чётко обозначил и дал понять, что тема эта сегодня открыта. Поэтому очень может быть, что мы с Вами увидим отмену многих льгот, и налоговое кредитование будет сокращено».

Соколов: «По разным оценкам, около 60% нашей нефтедобычи относится к трудноизвлекаемой, т.е. к льготлируемой. И, наверное, льгота по налогам должна быть конечной.

Но льготы – это ведь ещё и социальный фактор. Ведь если сейчас начнётся отмена льгот по добыче по части параметров, то многие моногорода, особенно в Западной Сибири, будут стоять на грани суровых перемен, поскольку все эти города возникли на месте месторождений, которые сегодня уже почти выработаны. Что здесь будет? Либо льготы - это социальный фактор, и таким образом государство даёт возможность, чем-то занять людей. Либо мы неизбежно придём к тому, что льготы будут сокращаться».

Липсиц: «Боюсь, будут сокращаться. Государство будет вынуждено сокращать льготирование. Ведь льготирование – это инвестиции в будущее. Сейчас до будущего ещё надо дожить. Это сложно. Поэтому я боюсь, что сегодняшние острые потребности бюджета будут просто заставлять сокращать разного рода льготы. Процесс уже начался.

Конечно, все упоминания о социальных последствиях, разумеется, серьёзны. Но я вам скажу так: сколько погибло градообразующих предприятий в моногородах...

Я когда-то был одним из ведущих в России специалистов по моногородам. Мы с коллегами сделали уникальный, первый в России масштабный доклад о моногородах. Картина была там ужасающая. Мы выяснили, что в них живёт огромное количество населения. Люди попали в моногорода, которые построил Советский Союз под градообразующие предприятия в суровых для жизни человека краях. Предприятия умирают. И что делать с этими людьми? Разговор этот идёт уже лет 30. И мало что тут реально сделано. Боюсь, что с нефтяными городами и посёлками будет та же самая история. Скорее всего, придётся переселять население».

Соколов: «А кого мы ждём, как инвесторов? У кого мы хотим привлечь капитал для развития нефтянки?»

Раньше мы стремились быть открытыми Западному миру. Теперь надо уже быть открытыми Восточному миру – главным образом, Китаю и Индии.

Насколько эти 2 страны, их финансовые институты, готовы, хотят быть инвесторами нашей нефтянки? Или они будут просто цинично покупать наше сырьё, что они сейчас и делают, особо не вдаваясь в наши проблемы, не входя в страновые риски?

Куда будет выводить эта траектория привлечения индо-китайского капитала в российскую нефтянку?»

Липсиц: «Был период, когда Китай очень хотел войти в российскую нефтянку. Были такие проекты, переговоры в конце 90-ых – начале нулевых годов. Но правительство РФ очень резко тогда обрубило эти попытки Китая войти в капитал нашей нефтянки. Было сказано, что это национальное достояние никому не отдадим.

Сейчас же я не вижу никаких оснований ожидать притока, как Вы выразились, индо-китайского капитала - по одной простой причине. Посмотрите, как ведёт себя Индия. Она сейчас не только не собирается инвестировать, она объясняет российским нефтяникам, что вы, мол, продали нефть за рупии, а рупии мы вам не отдадим, а предлагаем эти рупии инвестировать внутри Индии. Вы, мол, нам поставили нефть с дисконтом, а теперь то, что получили за вычетом дисконта, ещё и в Индию вложите. Поэтому из Индии капитал точно не получим. Это бессмысленная надежда.

Что касается Китая, то зачем ему в нас инвестировать? Всё, что Россия может произвести, она и так продаст. Причём, продаст с дисконтом, на любых условиях. Зачем же Китаю тогда вкладываться в Россию? Если он и так получит от неё столько, сколько ему нужно. К тому же, он уже достиг порога стратегической зависимости и больше уже не будет наращивать объёмы закупок у нас.

Я только что смотрел график структуры импорта нефти в Китай из разных стран. Там хорошо видно, что до января 2023 г. доля поставок в Китай российской нефти росла, а с января она застabilизировалась - был достигнут порог критической зависимости. Если Китай не хочет уже закупать больше нефти в России, то зачем же он будет инвестировать в нас? Какой в этом смысл? Он и так купит всё, что ему от нас нужно. Так что, скорее всего, ни Индия, ни Китай инвестировать в нашу нефтянку не будут. Покупать будут, а инвестировать – нет. Они знают: мы ведь всё равно с ними будем продолжать с удовольствием работать. А что нам ещё остаётся?»

Соколов: «Т.е. на внешний рынок инвестиций особо надеяться не стоит?»

Липсиц: «Нет! Никому мы в этом плане сейчас особо не нужны».

Соколов: «А каковы наши внутренние возможности? Способны ли наши биржи организовывать первичные IPO? Насколько внутри нашей страны существует институциональная среда собственников, готовых создавать частные инвестиционные фонды, которые бы искали активы, в которые можно вложить деньги богатых людей?»

Липсиц: «Ну, где в России есть деньги? Единственное, где есть большие, относительно свободные деньги в России – это сбережения населения.

Они не маленькие. У нас только в банках на депозитах и текущих счетах более 90 трлн. рублей. Вот, он – последний резерв. Но на него претендует и государство. А Вы предлагаете, чтобы этим ресурсом государство поделилось с нефтянкой. Если государство сочтёт, что ему проще вкладываться в нефтянку, и это будет окупаться прибылью, то, может быть, государство и позволит каким-то фондам привлекать в нефтянку деньги населения. Если же государство решит, что это слишком сложный путь пополнения бюджета и лучше просто изымать деньги населения через гособлигации, то нефтянка не получит ничего. И все эти млрд. и трлн. рублей уйдут напрямую в бюджет».

Соколов: «Какие именно фонды Вы имеете в виду?»

Липсиц: «В России недавно приняли законодательство о поощрении долгосрочных сбережений граждан. И там есть идея, что граждане при желании могут помещать деньги, а государство им будет в этом содействовать, в негосударственные пенсионные фонды (НПФ). По закону, эти НПФ могут вкладывать средства в гособлигации и облигации госкорпораций. И вот, если государство разрешит этим НПФ инвестировать какую-то часть в нефтянку, то она сможет получить от них какие-то деньги. Если же оно не разрешит и оставит тот прежний круг возможностей, который рекомендован, то никакие деньги из сбережений населения через НПФ в нефтянку не придут».

Соколов: «А что касается первичного IPO?»

Липсиц: «Есть доля населения, которая упорно пытается играть на рынке ценных бумаг. Но эта доля очень незначительная.

Если готовится IPO, то нужно понимать, для кого оно готовится? Кто может покупать эти акции, размещаемые, к примеру, через Московскую биржу? Это же не бедняки будут. Это сможет лишь средний класс. Но беда в том, что он стремительно сужается. Поэтому здесь больших емкостей рынка для покупки таких акций просто нет. Причём, эти ёмкости будут и дальше сужаться».

Соколов: «А частные инвестиционные фонды?»

Липсиц: «Проблема в том, что те деньги, которые могли быть размещены в эти фонды, из России уходят».

Соколов: «Пару недель назад в прессе прошла информация о том, что генпрокурор РФ рассказал, как российские суды по искам прокуратуры в 2022 г. изъяли у различных чиновников имущество, неподтвержденное легальными доходами, на сумму свыше 250

миллиардов рублей. Не кажется ли Вам, что вот этот чиновничий класс и смог бы быть донором этих частных инвестфондов?»

Липсиц: «Но ведь Вам генпрокурор не пояснил, куда эти деньги пошли. Я думаю, они были переведены на счета госказначейства в распоряжение Минфина, который направил их, например, в оборонную промышленность. Потому что в российской экономике сегодня есть преференциальные расходы. Это расходы на СВО, на ВПК...».

Соколов: «Я всё-таки рассчитываю, что это когда-нибудь закончится...».

Липсиц: «Я - реалист. И как многие серьёзные экономисты, полагаю, что эта ситуация - на десятилетия, когда экономика будет перестраиваться под преференциальные статьи военных, правоохранительных, восстановительных расходов государства. Поэтому какие-то частные фонды будут мало реальными.

А всё, что могло бы быть частными средствами в этих фондах – оно из страны, увы, уходит.

В прошлом году мы имели чистый отток капитала в 217 млрд. долларов. По этому году до пригожинского мятежа оценка чистого оттока капитала была 160 млрд. долларов. Сейчас, я думаю, она существенно возрастет.

Т.е. те деньги, которые Вы рассчитывали собрать в частных инвестфондах, чтобы потом инвестировать в нефтянку, богатые россияне лихорадочно выводят из России».

Соколов: «Структура нашей добычи сейчас такова, что она постоянно ухудшается, в силу, в частности, выработки месторождений, переноса добычи в необжитые регионы с суровым климатом. Остаются менее «сладкие» запасы и нужно постоянно заниматься их воспроизводством. А чтобы им заниматься, нужны инвестиции. Так, что же могло бы быть в нефтянке таким привлекательным, чтобы эти инвестиции состоялись?»

Мы видим, что мы потеряли премиальные рынки сбыта. Надеялись, что придут наши «друзья в кавычках», которые, чем больше скидка, тем больше они «дружат»... Но теперь понимаем, что они будут просто цинично покупать подешевле, не особо вдаваясь в наши проблемы.

На внутреннем финансовом рынке Вы также не видите тех точек роста, откуда может пойти свободная денежная масса, которая могла бы вкладываться в развитие. Т.е. получается, что окно возможностей захлопнулось?»

Липсиц: «Ну, практически, да. Но давайте докрутим мысль до конца.

Насколько я понимаю, больше половины добычи уходило зарубеж. Поэтому более-менее гарантированный рынок – это половина того, что добывалось.

Конечно, мы можем сохранять продажи в Китай и Индию. И это расширяет рынок сбыта. Но с большими дисконтами. И чем сильнее эти страны будут концентраторами наших экспортных потоков, тем жестче они смогут диктовать нам нужные им скидки. Практически мы пришли к монопсоническому рынку – рынку с ограниченным числом покупателей, которые обладают такой силой по отношению к продавцу, что диктуют ему выгодные им цены. Индия и Китай – это для нас монопсонические покупатели, которые могут нам диктовать цены, которые наша нефтянка вынуждена будет удовлетворять.

Меня часто спрашивают, а что, в нефтяных компаниях сидят идиоты, чтобы продавать нефть за рупии, которыми очень проблематично воспользоваться. Нет, отвечаю. Просто они видят альтернативу: либо продавать за рупии, либо закрывать скважины, что очень дорого. К тому же, никакой отдачи не даёт. И ещё, найдёшь ли на это деньги. Поэтому они и продают за «копейки», которые даже получить не могут. Лишь бы не закрывать скважины. Вот, ведь какая реальная картина».

Соколов: «Но этот «аттракцион невиданной щедрости» не может долго продолжаться».

Липсиц: «Я понимаю это. Но сегодня это так».

Соколов: «Думаю, дойдём до того, что единственным способом сохранения хоть какого-то бизнеса будет закрытие нерентабельных производств.

Но смотрите... Мы ведь в девяностые прошли школу, когда на месте подведомственных госгигантов образовалось много независимых компаний, многие из которых на следующем этапе слились в крупные, сильно концентрированные ВИНКи.

Так может, настало время, чтобы качнуть маятник в обратную сторону - чтобы ради сохранения нефтянки разделить крупные ВИНКи, ну, хотя бы по географическому, а также технологическому принципу. Может быть, это будет способствовать более устойчивому положению компаний и как-то сдемпфирует их «жесткую посадку»?»

Липсиц: «Я, как всякий мыслящий и либерально настроенный экономист, считаю, что любое разделение крупных компаний полезно. Потому что начинается какая-то конкуренция, что улучшает, некоторым образом, положение в экономике.

Но я бы начинал не с этого. Я бы попытался найти какую-то новую бизнес-стратегию для российской нефтяной промышленности. Ведь я не только экономист, но и бизнес-консультант. И для меня сейчас такой вопрос главный: «А какова должна быть сейчас стратегия развития нефтяной промышленности?»

Потому что прежняя стратегия сейчас рухнула. Она была настроена на то, что мы прекрасно продаем в Европе... И ведь хорошо работала. Но сейчас эта стратегия рухнула. И нужна какая-то новая. Её надо разрабатывать. При этом надо учитывать, что российская нефтянка перестаёт быть масштабным генератором прибыли. Да, пока она всё ещё генерирует прибыль. Причём, сейчас даже больше на внутреннем рынке, чем на внешнем. Уж слишком низкие там цены. Плюс Россия взяла на себя транспортные расходы и страхование, гоня танкеры на огромные расстояния. Где тут быть масштабной прибылью?

Я не главный стратег, упаси Господь, развития нефтяной промышленности, но понимаю, что сейчас надо искать новые способы генерации прибыли. Думаю, что нужно искать их на внешних рынках, поддерживая добычу внутри страны, чтобы обеспечить масштаб операций. Потому что, когда ты сокращаешь добычу, у тебя масштаб операций падает и растут издержки».

Соколов: «На внешних рынках – это где?»

Липсиц: «Я думаю, что сейчас ситуация такова, что нужно пытаться выходить на более высокие вертикальные рынки: ВИНКи должны уходить дальше, прорастать дальше – уходить куда-то в производство конечной продукции, пытаться продавать её и уже там генерировать прибыль».

Соколов: «В каких именно странах нужно это делать?»

Липсиц: «Я бы сказал так, что нужно уходить в те страны, которые не поддержали жёсткий режим санкций. С сырой нефтью это не получится. А с продуктами нефтехимии можно попытаться выходить на рынки и Азии, и Латинской Америки, и Африки. Это, на мой взгляд, последний шанс, который пока есть у России».

Соколов: «В Индии очень хорошая нефтепереработка. И приходит нам туда со своим самоваром...».

Липсиц: «Я не про нефтепереработку. Я – про нефтехимию, про производство химических продуктов высоких технологий».

Соколов: «А почему Вы не видите развития данного направления для обеспечения внутренних нужд?»

Липсиц: «Я, как экономист, много анализирующий экономику России, полагаю, что наша экономика будет, увы, сжиматься. Есть у меня на Ютьюбе курс из 25 лекций, где я подробно объясняю, что будет с российской экономикой. Она, к сожалению, будет сжиматься. Это не очень перспективный рынок. Но он даёт возможность масштаба – большой объём добычи, что позволяет производить много конечной продукции высокого

передела. А вот прибыль должна генерировать именно на внешних рынках. Посмотрите, крупнейшие мировые корпорации генерируют прибыль в целом по миру. И российской нефтянке нужно научиться так делать».

Соколов: «Итак, нефть перевозим танкерами в «дружественные» страны? Там строим нефтехимические заводы и производим там конечную продукцию? А почему эти заводы не создавать в России и именно тут производить на них конечную продукцию?»

Липсиц: «Потому что перевозить нефть танкерами проще, чем перевозить конечный продукт. Россия – страна, находящаяся под санкциями. Перевозки очень многих грузов для России осложнены. Нам проще создать индийскую компанию с российским капиталом, нигерийскую компанию с российским капиталом, или компанию с российским капиталом где-нибудь в Латинской Америке. А потом туда танкерами возить нефть и там уже на месте производить продукт для конечного рынка».

Соколов: «А как же налоги будут возвращаться в бюджет?»

Липсиц: «Они будут возвращаться по консолидированному балансу компании. Мы это уже делаем. Трансфертные цены просчитываются и контролируются налоговой службой России совсем не плохо. У нас в НК есть уже целая статья о трансфертных платежах, трансфертных расчётах. Это всё прописано в НК. Ничего в этом уникального нету. И это, на мой взгляд, просто последний шанс для нашей нефтянки».

Соколов: «Удивительно это всё слышать после того, как мы видели недавно фактически экспроприацию зарубежных заводов наших нефтяных компаний. И вот, сейчас Вы предлагаете, по сути, то же самое – развивать нефтехимические заводы за рубежом. Ещё раз хочу уточнить. Вы говорите, что если построить нефтехимические заводы внутри РФ, то будут проблемы с вывозом конечной продукции на рынки сбыта?»

Липсиц: «Да. Из-за санкций будут большие логистические проблемы. А сырую нефть ниже потолка цен нам никто не запрещает возить».

Что для меня сейчас важно? Коренным образом сейчас меняется ситуация на нефтяном рынке. У меня есть большие опасения в отношении, вообще, перспектив нашей нефтянки. Поэтому я сейчас пытаюсь предложить хоть какой-то способ, как её спасти, но у меня растёт убеждение, что мир хочет убить российскую нефтяную промышленность. Это страшная фраза, но я попытаюсь её обосновать».

Смотрите, год назад все боялись, что если Россию слишком жёстко прижать, то нарушится баланс на рынке нефти и возникнет скачок цен, который разрушит стабильность мировой экономики. Это было, повторяю, всего год назад».

Сегодня ситуация, как видите, иная – уже никто ничего не боится в этом плане. Все как-то адаптировались. И у меня возникает очень сильное ощущение, я не могу его доказать, я его понимаю по очень косвенным признакам, что сейчас самое лучшее, что было бы для ОПЕК – это уничтожить российскую нефтяную промышленность».

Соколов: «Ну, да, заместить российские экспортные 4,5 млн. баррелей в сутки сейчас, в принципе, возможно».

Липсиц: «Да. Для ОПЕК – это был бы прекрасный способ надолго стабилизировать приемлемый уровень цен. Для США – это способ выкинуть мощного конкурента со всех возможных рынков в мире. И не забывайте, что рядом с США ещё и Канада с её нефтеносными песками...»

Короче, вопрос стоит так, что российская нефтянка сейчас попала в такую беду, которой у неё никогда не было с начала 20 века: она может оказаться никому в мире не нужной. Поэтому сейчас вопрос стоит так: «Как спасти эту отрасль?»

Потому что, если она будет загнана только внутрь России и снабжать только внутренний рынок, то у неё будут огромные постоянные издержки, разложенные на сравнительно небольшой объём продаж. Нефть станет безумно дорогой. Соответственно, будет дорогая нефтепереработка. И топливо будет очень дорогим».

Будут безумные транспортные расходы. И это будет полной катастрофой для экономики.

Поэтому сейчас нужен очень сильный стратегический прорыв в нефтяной промышленности, чтобы найти хоть какой-то способ зацепиться в мире по конечному продукту и зарабатывать на нём прибыль.

Я понимаю, что это звучит чересчур теоретически, но я, как бизнес-консультант, не вижу иного способа. Этим вопросом никто не занимался. Российский бизнес очень слаб в экспансии на мировых рынках. Объясню, почему. Я всегда говорил российским бизнесменам, что нужно учиться продавать на внешних рынках. А мне говорили: «Отойди со своими глупостями. У нас огромный внутренний рынок, огромные госзаказы. Зачем я буду выходить на зарубежные рынки, если российского рынка мне хватит на десятилетия?»

Соколов: «И я бы этого тоже очень хотел...».

Липсиц: «Ну, что поделат... Этого уже никогда не будет».